

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ «СОВРЕМЕННОСТЬ»

А.А. АЛФЁРОВ

доктор философских наук, профессор
Южный федеральный университет
e-mail: antal@list.ru

В статье исследуется содержание понятия «современность» в социально-политическом дискурсе. Автор выделяет и анализирует два значения этого понятия. Одно значение возникает в контексте теорий модернизации, другое значение выявляет современность как определенную историческую ситуацию.

Ключевые слова: современность; модернизация; ценности; история; историческая ситуация.

Abstract: The article investigates the meaning of “modernity” in the socio-political discourse. The author identifies and examines two meanings of the term. One value arises in the context of modernization theory, another meaning reveals modernity as a specific historical situation.

Keywords: modernity; modernization; values, history; historical situation.

Коды классификатора JEL: B15, Z13.

В современном социально-политическом дискурсе активно используется термин «модернизация». Употребление этого термина в данном контексте восходит к «теории модернизации», возникшей в США в 50-е гг. XX в. После Второй мировой войны произошел обвал колониальной системы и перед бывшими колониальными странами встала проблема выбора путей дальнейшего развития. «Теория модернизации» подразумевала переход этих стран к индустриальному и демократическому обществу по образцу западных стран, и он интерпретировался как переход от традиционного общества к современному. Эта теория легла в основу политики США в отношении стран «третьего мира».

К середине 70-х гг. теория модернизации утратила влияние. Ее дискредитировало, в частности, то обстоятельство, что реализация ее предписаний в странах «третьего мира» не привела к повышению уровня жизни населения, скорее, наоборот, понизила его, в то же время разрушение традиционных укладов жизни в этих странах повлекло за собой экономическую дезорганизацию, социальные конфликты, рост девиантного поведения. В развенчании этой теории сыграла роль и теоретическая критика, выдвинутая против нее по целому ряду позиций. Однако в 80-е гг. произошло оживление теории модернизации, возникли новые ее варианты, а после крушения социализма в Восточной Европе и России теорию модернизации стали распространять на страны не только «третьего мира», но и бывшего социалистического лагеря [3, 5].

Слово «модернизация» буквально означает осовременивание, приведение в соответствие с современностью. Концепция «модернизации» исходит из того, что

одновременно могут существовать страны передовые (современные) и отсталые (несовременные), которым следует преодолеть свое отставание, модернизироваться. Другими словами, отнесение к современности здесь происходит не по хронологическому признаку. «Модернизация», вообще говоря, предполагает единственно возможное направление исторического развития, так как только при этом условии можно оценивать, кто дальше продвинулся.

Однако по какому основанию одни страны нужно считать современными, а другим отказывать в «современности»? Этот вопрос не является праздным. Конечно, если речь идет об использовании современной техники и технологии, то ясно, что современная техника является наиболее совершенной и открывает человеку новые возможности. Но если имеется в виду экономическая, социально-политическая или духовная реальность, то подобной ясности здесь уже нет.

Приходится констатировать, что понятие «современность» в том его смысле, который предполагается концепцией «модернизации», является отнюдь не нейтральным понятием, — оно идеологически ангажировано. Действительно, мы являемся свидетелями того, как те или иные политические силы пытаются присвоить это понятие, объявить современным то, что представляется им важным и значимым, что они стремятся утвердить в мире¹. Разумеется, в основании подобного использования понятия «современность» лежит укоренившееся представление о том, что современное лучше несовременного, настоящее лучше прошлого. Подобное представление утвердилось в эпоху Просвещения, и оно вылилось в идею исторического прогресса Ч направленности истории от худшего к лучшему, от менее совершенного к более совершенному. Представление об историческом прогрессе, однако, имеет ценностную природу — оно всегда связано с какими-то ценностями, на основании которых происходит оценка общественных явлений как высших или низших, более или менее совершенных, лучших и худших; ценности в данном случае выступают критериями прогресса и какого-либо объективного критерия прогресса просто не существует [1]. Следовательно, такое понимание современности основывается на принятии тех или иных ценностей и может быть определено как «ценностное».

Некоторые современные мыслители отказываются от представления о прогрессе в истории, но делают это таким образом, что вместе с ним отказываются и от самой истории, поскольку перестают мыслить историю как процесс. Это делают постмодернисты, но не только они. В результате история «освобождается» от прошлого и будущего и тем самым увековечивается настоящее. Получается тот же эффект «конца истории», который у сторонников исторического прогресса достигается объявлением настоящего вершиной исторического прогресса.

Проблемность современности связана также с ее временным определением. Поскольку психологическим образом настоящее удерживать или закрепить невозможно — оно мгновенно перетекает в прошлое, — ограничивать его приходится историческим образом. Очевидно, что при ценностном определении современности она должна начинаться с того момента, когда заявляют о себе определенные ценности. И если это — либеральные ценности, то следует вывод, что современность начинается с Просвещения или, может быть, с Реформации, или Ренессанса, в зависимости от того, как исторически интерпретируется возникновение и утверждение этих ценностей.

¹ Делаются попытки «приватизировать» и саму историю, и тот же Ф. Фукуяма объявлял «конец истории», поскольку ему казалось, что то, что является для него ценностно значимым, уже утвердилось в мире либо близко к своему утверждению и, значит, истории больше нечего делать, история заканчивается и разрешается в вечность.

Концепция модернизации противопоставляет современность традиции, традиционному обществу. И хотя поздние варианты этой концепции пытаются данное противопоставление смягчить, оно для теорий модернизации является базовым, исходным. Причем это противопоставление используется и сторонниками либерализма, и адептами традиционализма. Но оценивается ими современность, разумеется, по-разному: в одном случае — позитивно, в другом — негативно. В первом случае предполагается, что изменения, преобразования, динамизм в жизни человека и общества — хорошо, и это характеризует современность и отличает ее от традиционного общества, нацеленного на постоянство, устойчивость. Во втором случае современность интерпретируется как пагубное забвение духовной традиции, идущей из прошлого и содержащей истинные ориентиры для человека, — забвение, которое приведет человечество к краху, при этом цивилизация, сформировавшаяся в Западной Европе в Новое время и распространившаяся по миру, рассматривается как аномальное явление. Именно таким образом противопоставлял традицию и современность Р. Генон [2]. У Освальда Шпенглера, интерпретировавшего историю как развитие локальных культур, утрата традиции представляла симптомом умирания культуры и ее превращения в цивилизацию.

Большинство европейских философов Нового времени, так или иначе, выражали свое отношение к современности. Это и просветители, и Кант, и Гегель, и Маркс, и Кьеркегор, и Ницше, и многие другие мыслители. Одна из работ И.Г. Фихте озаглавлена им «Основные черты современной эпохи». Одна из работ К. Ясперса носит название «Духовная ситуация времени». Однако и Фихте, и Гегель, и Маркс исходили из представления о целой, завершенной истории (подобное представление создавали их концепции философии истории), и в этой целой истории они указывали место современности. Это значит, что их отношение к современности определялось пониманием места современности в целостной истории, — а возможно, наоборот, их отношение к современности определяло и предлагаемую ими концепцию целостной истории. У Фихте отношение к современности было резко отрицательным. Он считал ее третьей и худшей из пяти выделяемых им эпох мировой истории человечества и называл ее эпохой «негативной свободы». У Гегеля современность представляла исполнением цели мировой истории, состоящей в осознании Духом его свободы, и являла, таким образом, завершение мировой истории. У Маркса современность оказывалась кануном гибели капиталистической общественной формации и наступления коммунистической формации, которая мыслилась им как разрешение всех противоречий, с которыми была сопряжена прежняя история и, следовательно, как ее завершение и переход к принципиально иному состоянию человечества. Все эти концепции, создающие представление о целостной истории, реализуют ценностный подход к истории и, следовательно, к современности, потому что само представление о завершенной истории создается на основе каких-либо ценностей, которые, как предполагается, реализуются в истории (свобода, равенство, гуманизм, так или иначе понимаемая духовность и т. д.).

Другой («неценностный») подход к современности выявляет ее как определенную историческую ситуацию. Именно таким образом определял современность, например, К. Ясперс. Но он акцентировал внимание на экзистенциальных проблемах человека, понимая историческую ситуацию как духовную ситуацию времени [8]. К. Ясперс, впрочем, осуществлял и ценностный подход к современности, поскольку он полагал возможным постижение истории в ее целостности (иррациональным

образом) и вводил представление о трансцендентной цели истории. Концепция истории К. Ясперса характеризуется соединением утверждения об открытом характере истории, ее принципиальной незавершенности с признанием возможности и необходимости постижения истории в ее целостности.

Итак, большинство концепций философии истории продуцировали картину истории как целого и настоящее определяли путем указания его места в этом целостном историческом развертывании. Если же исходить из того, что человек, поскольку он всегда пребывает в незавершенной истории, не может видеть целого истории, то есть не может иметь знания о будущем, то в этом случае, очевидно, его знание о настоящем всегда будет находиться на феноменальном уровне. Под исторической ситуацией современности мы и будем понимать феноменальное знание о настоящем (а не знание о настоящем, которое возникает из мнимого постижения целого истории). Оно будет охватывать состояние «умов» людей современности, важнейшие их мотивации, состояние хозяйства, правящие элиты и их способы управления, важнейшие социальные противоречия и конфликты, те вызовы, с которыми сталкиваются сообщества людей и человечество в целом, и ответы на эти вызовы, которые предлагаются и принимаются или не принимаются, расклад сил на международной арене и т. д. Это и будет историческая ситуация современности.

Историю можно представить как последовательный ряд сменяющихся исторических ситуаций. При этом к каждой исторической ситуации прошлого возможны два подхода. Один путь ведет из настоящего и предполагает оценку исторической ситуации прошлого исходя из представлений современности и на основе знания того, к чему эта ситуация привела в истории, во что она разрешилась. Другой путь предполагает выявление того, как историческая ситуация воспринималась в свое время ее современниками, какой они ее видели и как оценивали. Нет нужды пояснять, что между этими двумя восприятиями может быть коренное расхождение. Очевидно также, что в отношении исторической ситуации современности первый подход невозможен – она может оцениваться только своими современниками.

Определение современности как исторической ситуации предполагает ее привязку к конкретному событию или событиям, которые явились переломными, обозначив переход от одной исторической ситуации к другой. С чего следует начать отсчет нынешней современности? Думается, что точкой отсчета должны быть распад СССР и социалистического лагеря. Изменения, связанные с этими событиями, затронули не только страны бывшего социалистического лагеря, они привели к новой конфигурации в мире, что отмечают все аналитики. Возникла иная историческая ситуация по сравнению с той, которая существовала после Второй мировой войны.

Представление о современности как исторической ситуации, сложившейся в современном мире, делает, однако, проблематичным понятие модернизации. Это понятие предполагает, что какие-то страны, порядки современны, а какие-то — нет, и при ценностном подходе можно точно сказать, какие порядки современны, а какие — нет. Но если мы поймем современность как историческую ситуацию, сложившуюся в современном мире, то все страны, оказавшие существенное влияние на формирование и развитие этой ситуации, следует признать современными, независимо от их порядков. Действительно, считать, скажем, сегодняшний Китай с его производством и торговлей, темпами экономического роста и влиянием на мировые дела не современной страной можно только исходя из определен-

ных ценностей, которые не представлены или слабо выражены в жизни Китая. И Россия является современной страной, так как занимает значимое место в современной исторической ситуации, выступает крупным игроком в современной политической игре. И она играла бы более значимую роль и более уверенно, если бы располагала более мощным экономическим потенциалом. Понятие «модернизации» чрезвычайно расплывчато, под него можно подвести самые разные вещи, поэтому следовало бы меньше взывать к модернизации, но выдвигать и решать конкретные задачи в области экономики, управления, образования и других областях жизни.

В настоящее время приходит осознание того, что заимствованные формы жизни на чужой культурной почве дают вовсе не те плоды, что на родной. Поэтому стали говорить о том, что модернизация не должна быть вестернизацией, что она должна учитывать особенности страны, в которой проводится, что «догоняющая модернизация» неэффективна (так как тот, кого пытаются догнать, не стоит на месте, а развивается), что есть не одна модернизация, а множество модернизаций, потому что в каждой стране она имеет свое направление... [6, 7]. Но какой смысл в таком случае вообще говорить о модернизации, а не просто о национальном развитии? Ведь «модернизация» по самому смыслу термина и смыслу концепции «модернизации» означает именно движение вдогонку, ориентацию на какой-то образец. А если нужно прокладывать свои пути развития, то это — просто развитие. Результатом подобного употребления понятия «модернизация» оказывается то, что модернизация превращается в синоним развития и даже истории.

Современная историческая ситуация сменится какой-то новой ситуацией. Когда совершится этот переход, мы не знаем, возможно, мы в него уже вступили. К чему он приведет, кому и чему принадлежит ближайшее будущее — этого мы тоже не знаем. Верно отмечает В.М. Межуев: «Ситуация неопределенности, рождаемая этим переходом, как бы уравнивает всех в сознании своей «несовременности», заставляет усомниться в превосходстве любой идентичности, кем бы она ни была представлена на сегодняшний день» [4]. Мысль о том, что исторический процесс характеризуется неопределенностью и возможны различные варианты развития, в наше время все более получает признание. И это еще один довод против того, чтобы копировать чужие формы жизни, которые уже, собственно, принадлежат прошлому, а искать свои пути в будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алфёров А.А. История в свете философии. Ростов-н/Д, 2003. Гл. 2. § 6.
2. Генон Р. Кризис современного мира // Избранные произведения: Традиционные формы и космические циклы. Кризис современного мира. М., 2004.
3. Калхун К. Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал // Сайт Института общественного проектирования (ИНОП). URL: <http://www.inop.ru/files/calhoun.doc>.
4. Межуев В.М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации // Электр. журнал «Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 1. 2009 — Философия. Политология. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Mezhuev>.
5. Старостин Б.С. Проблема модернизации: история и современность // Модернизация и национальная культура. М., 1995.

6. *Федотова В.Г.* Новые тенденции в понимании модернизации // Электр. журнал «Новые исследования Тувы». 2009. № 1–2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/92-tendencies.html.
7. *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. М., 2008.
8. *Ясперс К.* Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. М., 1991.